

УДК 340.11
doi:10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).05

Идеи С. С. Алексеева о правовом воздействии и их современное значение

Дмитрий Валерьевич Зыков

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, zyk9@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты теории правового воздействия и механизма правового регулирования С. С. Алексеева. На основе его идей показано, что связь права с государством, подчеркиваемая по сложившейся в нашей стране академической традиции как необходимый и определяющий признак его сущности, ошибочна и опасна. Поскольку в итоге ведет к произвольной регламентации общественной жизни и забвению права как самостоятельной сущности. В статье привлекается особенное внимание к одной из важнейших идей, по мнению автора, незаслуженно недооцениваемой, что обеспечительным механизмом оказывается именно уровень развития в обществе юридической культуры, т. е. знания тех инструментов, технологий, средств, которые предлагает право для эффективного и наиболее оптимального достижения социальных задач и разрешения индивидуальных жизненных ситуаций. В автономном и релевантном характере этих правовых средств, способных действовать автоматически, обладающих собственной юридической логикой, и заключается сущность права как самостоятельного явления, предполагающего перманентный характер освоения глубины культуры его бытия. Подчеркивается непреходящий потенциал идей выдающегося правоведа и необходимость их постоянной актуализации, воспроизведения и транслирования в правовом пространстве.

Ключевые слова: сущность права, механизм правового регулирования, правовое воздействие, юридическая культура, гуманизм, автоматизм действия права

Благодарности: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

Для цитирования: Зыков Д. В. Идеи С. С. Алексеева о правовом воздействии и их современное значение // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 3 (38). – С. 59–70. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).05.

S. S. Alekseev's Ideas on Legal Impact and Their Present-Day Implications

Dmitrii V. Zykov

Volgograd State University, Volgograd, Russia, zyk9@yandex.ru

Abstract. The article discusses some aspects of the theory of legal influence and the mechanism of legal regulation by S.S. Alekseev. On the basis of his ideas, the author shows that the connection of law with the state, emphasized by the formed in our country academic tradition as a necessary and defining feature of its essence, is erroneous and dangerous, since eventually it will lead to arbitrary regulation of public life and oblivion of law as an independent entity. The article draws special attention to one of the most important ideas, which, according to the author, is often underestimated, that it is the level of development of legal culture in society, i.e. knowledge of those tools, technologies and means law offers for effective and the most optimal achievement of social tasks and resolution of individual life situations that becomes the

security mechanism. The autonomous and relevant nature of these legal means, capable of acting automatically, having their own legal logic, is the essence of law as an independent phenomenon, assuming the permanent nature of mastering the depth of the culture of its being. The paper also stresses the potential of the ideas of an outstanding jurist and the need for their constant updating, reproduction and broadcasting in the legal space.

Keywords: the essence of law, the mechanism of legal regulation, legal impact, legal culture, humanism, automatism of the action of law

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

Введение

Наука как таковая не может не стремиться к обретению своих предельных оснований, априорическому познанию. Н. Н. Страхов замечал: «Каждая наука имеет свою метафизику, то есть она вносит в свои исследования некоторый априорический взгляд на предмет, которым занимается, – она заранее определяет *сущность* своего предмета и старается подтвердить это определение, распространить его все дальше и дальше. Только таким или подобным образом наука и может двигаться вперед, ибо движение без цели для ума невозможно» [19, с. 438].

Если мы сущность права ставим в зависимость от государства, мы превращаем его просто в инструмент, низводим до формы закона, инструкции, директивы, исходящей от властной организации, авторитарно адресованной остальному обществу. Тогда время метанарративов для юриспруденции заканчивается. Равно как исчезает и право как самостоятельная сущность, отождествляясь с законом, оставаясь неким придатком власти. Не находя сущности права, заключающейся в предоставлении *субстанциальных средств ограничения социальных законов* иерархии и несправедливого распределения материальных благ между властвующими и подвластными в пользу первых, невозможно вести и речь о какой-либо науке о праве вне науки о государстве. Думается, С. С. Алексеев был ближе всех в нашей научной среде к разгадке феномена права.

Советская юридическая наука не может быть сведена исключительно к марксизму или этатическому позитивизму. Однако до сих пор, за редким исключением, учебники и учебные пособия следуют противоречивой традиции, подчеркивая необходимую связь права с государством как своим творцом и гарантом реализации под угрозой применения принуждения. Также не преодолена оппозиция классового и общечеловеческого подходов к определению сущности государства и права [15, с. 108; 16, с. 16–27].

Между тем в советской научной юридической среде можно было найти и альтернативные точки зрения на правовую идеологию. Совершенным особняком в этой связи стоит имя С. С. Алексеева. Его многочисленные работы всегда отличала широта взглядов и охватываемых проблем исследования, сложность, глубина и плодотворность идей, не укладывающихся ни просто в позитивизм (будь то социологический и еще менее этатический или антропологический), ни, тем более, в марксизм. В связи с чем, с философской и теоретической точки зрения сложно однозначно определить его мировоззрение как относящееся к какому-то одному идейному течению и дискурсу. Тем не менее, по нашему скромному мнению, есть достаточно определенные признаки тяготения его работ, особенно позднего философского периода, к неокантианству. Сквозь призму данного направления мысли, как нам представляется, взгляды и идеи С. С. Алексеева выглядят органичными и наиболее понятными для уяснения и дальнейшего освоения.

Теория правового воздействия

Неокантианцы утверждали, что логической предпосылкой жизни в обществе является наличие внешних правил, принудительно присутствующих во всяком сознании, подобно законам мышления, и являющихся необходимым проводником, посредником социального взаимодействия. Мы не можем найти окончательное определение права, поскольку его сущность входит в саму сущность понятия общества или социального явления. Социальная действительность есть внешним образом урегулированная совместная жизнь людей. Право как объективная социальная реальность, сама суть которой в ее организации по правилам, предзадана как некая априорная рамка поведения, вне границ которой начинается распад общества. Подобно тому как вне рамок законов логики заканчивается правильное мышление. Право первично по отношению к экономике и государству, если не в хронологическом и генетическом смысле, то, во всяком случае, в логическом плане.

В этой связи Н. Н. Тарасов поясняет: «...юриспруденция связана не с теоретически выделенной сферой общества (экономика, политика), а с обществом вообще, поскольку право – институционально – компонент всех сфер и в этом смысле может претендовать на непосредственную принадлежность к общественно-исторической практике вообще. Следовательно, и юридическая наука вынуждена стремиться максимально «приближаться» к реальной жизни» [20, с. 32].

В определяющем философском вопросе он, вопреки марксистам, уже в те непростые времена придерживался и отстаивал вместе со своими учениками и последователями ту идею, что право представляет собой наличную объективную социальную реальность [4, с. 199–200].

Напротив, советские марксисты, следуя логике представлений об обществе сквозь призму базисно-надстроечных отношений, считали право, как явление надстроечное, «рукотворным», производным, а потому не представляющим самостоятельную независимую сферу от экономики, политики, культуры. В этой связи советский марксизм очень хорошо укладывался в этатический позитивизм, где право выполняет исключительно служебную роль в обществе, является придатком к экономике, политике и отождествляется с законом, как возведенной в императив государственной воли господствующего класса. Вопреки этой позиции С. С. Алексеев пишет: «Признание права объективной реальностью означает в то же самое время признание объективного характера и его свойств, в том числе и его внутренней структуры – системы права» [5, с. 8]. Автор не упускал из виду тот факт, что правотворчество является волевым процессом, зависящим от человека. Он пояснял этот момент так: «Но правотворчество и процесс формирования права (правообразования) нельзя отождествлять» [2, с. 307–309].

«В праве, каким бы ни было конкретное содержание законов, данные юридической практики, правосознания есть своего рода *жесткая объективная структура* – нечто *постоянное*, неподвластное вольному усмотрению и произволу никакого лица» [1, с. 49]. Фактически такую объективную структуру можно выделить в любой правовой системе мира. Есть характеристики права, которые составляют как бы протоплазму права, принципы права, его логическую первооснову как универсального явления, – такие, как всеобщность (т. е. возможность охвата посредством законодательства всего общества, всех протекающих в нем процессов); нормативность (следование правилам, обусловленным целями); равновесность (справедливость, понимаемая как эквивалентность); правовое равенство (применение к не равным людям одинакового масштаба); притязательно-обязательный (предоставительно-обязывающий) характер (права и обязанности корреспондируют друг другу). Объективную структуру права мы как бы *открываем в общественном бытии как предданность*, неизменную и никем не изобретенную правовую материю, а только нами

формулируемую. Эти константы права открываются нам в виде его универсальных принципов, структурных связей и правовых средств.

Их можно игнорировать. Но подобно тому, как, игнорируя логические законы правильного, непротиворечивого мышления, субъект утрачивает путь к истине, так же и с правом: если игнорировать его структурные связи и принципы, мы неизбежно утрачиваем свободу, уважение к личности и погружаемся в торжество произвола власти.

Исходя из понимания права как всеобщего институционального образования, С. С. Алексеев развивает теорию правового воздействия.

Общеизвестно и общепринято, что воздействие – это процесс влияния на объект с целью изменения его состояния. Отсюда, правовое воздействие есть способность права влиять на все сферы общества. Н. Н. Тарасов по этому поводу пишет: «В российской теоретической литературе преобладает понимание правового воздействия как влияния права на все сферы общества в любых формах, которое имеет свои исторические причины, методологические основания. Правовое регулирование в свою очередь получило признание и дальнейшее развитие как вид правового воздействия, осуществляемого с помощью системы специальных правовых средств» [21, с. 101–102]. Из этого следует, что правовое регулирование есть понятие более узкое, чем правовое воздействие.

При этом акцентируем внимание на следующей мысли автора: «В нашей традиции категория “воздействие”, взятая независимо от области применения, построена на общей абстракции (“активное влияние некоего фактора на некоторый объект”) и тяготеет к онтологическому натурализму. В этом смысле воздействие, в том числе социальное, необязательно носит целевой характер и *необязательно предполагает обратную связь*» (курсив мой. – Д. З.) [21, с. 102].

Правовое воздействие как родовое понятие подразделяется на регулятивное и нерегулятивное. Под правовым регулятивным воздействием общепринято в науке понимать непосредственно правовое регулирование, а под правовым нерегулятивным воздействием – влияние права на отношения, которые правом не регулируются, но все равно подвергаются его влиянию, не через правоотношения, а через правосознание. В предмет правового нерегулятивного воздействия входят все те же общественные отношения, но отличие состоит в том, что такое воздействие происходит другим способом. Автор так поясняет эту идею: «Правовое нерегулятивное воздействие рассматривается как существующее в рамках различных процессов (психологические, социально-психологические, информационные и т. д.) и поддерживающееся соответствующими структурами. Правовое нерегулятивное воздействие осуществляется главным образом через структуры правосознания, его связь с поведением субъектов права вероятностная, а не причинно-следственная. Правовое нерегулятивное воздействие, будучи правовым по содержанию, не является таковым по формам (психологическое, идеологическое, информационное и т. д.)» [21, с. 102].

Правовое регулятивное воздействие делится на правовое нормативное регулятивное воздействие (всеобщее законодательство) и правовое регулятивное индивидуальное воздействие (применение права к конкретным случаям). В юридической литературе правовое нерегулятивное воздействие подразделяют в зависимости от форм влияния, к которым относят информационно-психологический, воспитательный и социальный аспекты воздействия на правосознание субъектов права.

Информационно-психологическое воздействие правовой информации связано с мотивационной сферой индивидов, побуждающей к определенным действиям или воздержанию от них. Среди юридических средств мотивационного, импульсного воздействия правовой информации выделяют правовые стимулы и правовые огра-

ничения. Правовая стимуляция поведения заключается в побуждении индивидов к правомерному поведению и вознаграждающее их за такое поведение (это всевозможные поощрения в виде премии, повышения заработной платы, присвоения званий и наград; льготы, меры поддержки и др.). Правовые ограничения заключаются в сдерживании индивидов от противозаконного, вредного поведения, неразумных поступков (это выговор, штраф, ограничение на ввоз и вывоз определенных товаров, ограничение оборота определенных товаров, ограничение дееспособности, избирательных прав и др.).

Воспитательный аспект правового воздействия связан с формированием ценностно-ориентационных представлений субъектов права, отражает определенную идеологию, т. е. систему идей о модели социального устройства, которой должно придерживаться большинство общества. Здесь имеются в виду выполнение специальной работы по разъяснению целей и мотивов законодателя при принятии того или иного нормативно-правового акта, общественные дискуссии по поводу необходимости издания или отмены конкретного закона, разъяснение последствий нарушения закона, отчеты о работе различных органов власти в области правотворчества и правоприменения, пропаганда правовых ценностей и их усвоение обществом, борьба с юридической неграмотностью, информирование через СМИ и др. [8].

Социальный механизм действия права заключается в том, что право не единственный социальный регулятор и мотиватор. Правовое регулирование общественных отношений есть результат взаимодействия права с иными социальными нормами: политическими, религиозными, моральными, культурными и др., также являющимися в общественном сознании источниками обязательности. В юридической литературе описаны интересные примеры взаимодействия права с другими социокультурными факторами [9]. Формами социального действия права являются, к примеру, доведение правовой информации до общего сведения, стратегическое планирование с обозначением среднесрочных и долгосрочных целей страны, формирование правом общепользовательных стандартов поведения, когда общее превалирует над эгоистическими интересами отдельного индивида, учет менталитета народа при принятии закона, учет самоорганизационных процессов установления внутреннего порядка человеческих союзов и самоустранение государства от вмешательства в них и др.

Как видно, все четыре формы правового воздействия пересекаются и взаимодействуют между собой, их рассмотрение по отдельности носит чисто теоретический характер. В действительности специально-юридическое воздействие права осуществляется наряду с информационным, педагогическим и социальным, опосредуя и обуславливая последние. Равно как и не специально-юридические формы воздействия реализуются не только через правосознание, а, скорее, право действует одновременно и через правоотношения, и через правосознание, они как бы сопровождают и взаимно пронизывают друг друга. Тем не менее такие подразделения имеют важное эвристическое значение.

Право является ядром всей системы социального регулирования. Какую бы сферу общества мы ни изучали на предмет ее функционирования, будь то экономика, политика, мораль, религия, семья и т. п., право как совокупность норм непосредственно или опосредованно будет фигурировать в качестве центрального регуляторного звена.

Механизм правового регулирования С. С. Алексеев разработал достаточно полно. Механизм правового нерегулятивного воздействия остается актуальной темой исследований. Работ здесь очень немного [24].

Механизм правового регулирования

Саму специфику механизма правового регулирования С. С. Алексеев видел в трех характеристиках: 1) способствует рассмотрению права в движении, в реализации его силы и потенциала как общецивилизационного явления, 2) нацелено на достижение определенных результатов для общества, 3) осуществляется с помощью специфического, свойственного только праву, набора инструментария, средств и технологий, своего особого механизма, функционирующего согласно собственной юридической логике.

Признание объективного характера права означает и признание объективности его структуры и свойств. Объективная структура и свойства права проявляются в механизме правового регулирования, который определяется автором как «взятая в единстве система правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения» [3, с. 9].

Под правовыми средствами автор понимал объективированные субстанциальные явления с фиксированными свойствами, выступающие при надлежащем их использовании оптимальным, адекватным условиям цивилизации способом решения социальных задач, разрешения жизненных ситуаций. И хотя данные средства приводятся в действие субъектами, это не означает, что акцент в связке субъект – правовые средства – социальные задачи смещается к субъекту, от которого зависит приведение правовых средств в действие. Субстанциальный характер правовых средств означает, что, только «*взяв в руки конкретные правовые средства*», можно достигнуть нужного, ожидаемого результата, социально полезного эффекта и никакими другими способами этого результата не достичь. «Сложившиеся правовые формы являются средствами, инструментами не с точки зрения субъектов, а главным образом с точки зрения решаемых с их помощью социальных задач. Они, следовательно, инструменты оптимального решения социальных задач, с которыми и находятся в органической связи. Такого рода органической связи нет между правовыми средствами и субъектами» [6, с. 351].

Надлежащее использование правовых средств субъектами, с целью достижения положительных результатов регулирования, зависит от уровня владения правовой культурой как совокупностью знаний об устройстве и механизме действия права. С этой идеей сопряжен «...отказ от генерализации государственного принуждения или его угрозы как условия действительности правового регулирования. В качестве альтернативы государственному принуждению С. С. Алексеев рассматривает юридическую культуру. Причем юридическая культура понимается не в традиционном поведенческом плане, а в своей отчужденной форме, объективированной в системе средств правового регулирования» [21, с. 107–108].

Пути правового регулирования являются предоставление субъективных прав и возложение корреспондирующих им юридических обязанностей, а также установление запретов нежелательного, социально вредного поведения. Весь правовой материал строится из трех элементарных частиц правовой материи: дозволений как меры возможного, запретов и обязываний как меры необходимого поведения. Вездесущая «троица» (по меткому выражению С. С. Алексеева) представляет собой проявление возможных исчерпывающих форм поведения человека в обществе, когда он может к чему-то свободно стремиться (дозволение), когда он должен вести себя пассивно, воздерживаться (запрет), и когда он должен исполнять предписанное (обязанности). Эти формы поведения логически выводятся из индивидуальных действий, обращенных на других людей и исходящих из их ожиданий. Опосредованные правом дозволения, запреты и обязанности становятся фундаментальными способами правового регулирования.

Основными звеньями механизма правового регулирования являются правовые нормы, правовые отношения и акты реализации прав и обязанностей. В юридических нормах в абстрактном, типизированном виде моделируются основные возможности и необходимость определенного поведения в виде субъективных прав и юридических обязанностей (запретов). Иными словами, здесь устанавливается *схема удовлетворения интересов*. В правовых отношениях основные требования и возможности нормы переводятся, канализируются при наличии фактических жизненных обстоятельств (юридических фактов) на плоскость конкретных субъектов – носителей прав и обязанностей. В актах реализации индивидами прав и обязанностей (запретов) осуществляется запрограммированный в праве результат для общества, разрешается какая-либо жизненная ситуация, личное дело. В паутинообразной *связанности, системном* и распределенном характере прав и обязанностей абстрактных субъектов, органическом переводе их в конкретную плоскость индивидами посредством использования субъективных прав, соблюдения запретов и исполнения обязанностей проявляется *автоматизм действия права*.

Нормы права – причины нашего поведения, правоотношения – их следствия. Сам механизм правового регулирования заключается в такой *«настройке»* поведения совокупности индивидов посредством различного сочетания (комбинаций) дозволений, запретов и обязываний, которую можно было бы охарактеризовать в терминах И. Канта, понимавшего под правом совокупность объективных условий, при которых и под воздействием которых свобода каждого индивида заканчивается там, где начинается свобода другого. Механизмом вообще «называется совокупность тел, ограничивающих свободу движения друг друга взаимным сопротивлением настолько, что все точки такой системы способны описывать только вполне определенные кривые (траектории) и при данной скорости одной из точек скорости и ускорения всех остальных точек системы являются вполне определенными» [25].

Примерно аналогичным образом работает механизм правового регулирования, если рассматривать его исключительно в *системном связанном единстве* используемых правовых средств. Выпадение, неучет одного из звеньев в логической цепи механизма действия права ведет к сбоям, остановке его функционирования и, как следствие, жизненным тупикам.

Осуществление наших целей невозможно вне отношений с другими. Самые потребности-интересы-цели возникают и складываются под влиянием не одних только индивидуальных условий, но в еще большей степени под влиянием социальных и исторических условий. Отсюда человеку необходимо соотносить, соотносить в представлении свое поведение не только с собственными интересами, но и с интересами других людей, без взаимоотношений с которыми он не может достичь собственных. Действия человека не просто направлены на достижение целей, но одновременно подчинены определенным правилам. Данные социальные нормы обеспечивают согласованность и совместимость стремлений и действий всех членов группы, поддерживая общежитие на должном уровне. *Правовые нормы являются характеристиками взаимных ограничений экзистенциального эгоизма индивидов, которым они подчиняют их поведение для согласования совместного достижения своих целей*. Они делают возможным совместное осуществление многих целей, исторически (эволюционно) устанавливая наиболее гармоничную в понимании членов группы форму их взаимного соотношения и разграничения. Целью механизма правового регулирования как взятых в единстве многообразных юридических средств является создание условий и путей, обеспечивающих беспрепятственное совместное движение многих индивидов к удовлетворению своих интересов. Потребность в различных правовых средствах определяется разнообразием путей движения к благам, характером таких устремлений и многочисленны-

ми и разнообразными препятствиями. *Удовлетворение потребностей и интересов человека есть определяющий ориентир правового регулирования, а его механизм – своего рода технология достижения целей.*

Оперативно-исполнительное и охранительное правоприменение в правовом регулировании дополняет автоматизм действия права своей властью, способностью быть источником юридической энергии и обеспечительным механизмом, хотя может и деформировать действие этого механизма. Функционирование правовой системы, тем не менее, происходит преимущественно путем автоматического перевода предписаний и возможностей, программ поведения, заложенных в системе норм в правоотношения через конкретные поведенческие акты реализации, обходясь без обращения в государственные инстанции за разрешением индивидуального дела. К примеру, ежедневно каждый из нас использует законную возможность заключать различные сделки, которые исполняются автоматически, автономно в правоотношениях посредством наших волеизъявлений и соглашений. А это мириады и мириады трансакций.

Обратная связь, сущее и должное, праяворчество, новые регуляторы

С. С. Алексеев относил право к миру долженствования с существенными оговорками, строго не разделяя его бытие на сущее и должное. «...Отдельные юридические явления, – писал он, – находятся в таких соотношениях, которые призваны закономерно и неуклонно вести от должного, которое только записано в нормативных документах, к фактически реальному и “превращать” это формально должное в реальность, причем в такую, в которой реализуются достоинства юридической формы, ее способность обеспечить строгую определенность складывающихся отношений, их прочность и надежность» [6, с. 390].

В. Н. Синюков так разъясняет эту сторону теории: «Нормы права не могут быть оторваны от правоотношений, а последние – от реальных актов реализации права. Идея механизма правового регулирования соответствует природе отечественного правового сознания, которое не воспринимает формальные разделения и в актах поведения видит фактически правовое поведение... В западной традиции во главу угла ставится либо норма, принятая сувереном, либо правоотношение и акты поведения, из которых выводится норма. В теории правового регулирования С. С. Алексеева принципиально иной подход: он впервые в доктрине высказал идею синтеза в конкретном поведенческом акте, интегрировал это в относительно новом по тем временам понятии правового регулирования» [18, с. 15].

Должное быть имплицитно заложено в праве как наличной объективной социальной реальности как потенциальный норматив для воплощения в действительность. Господство *должного быть*, запрограммированного в праве, опирается не на иерархию норм, представление, присущее классической западной философии права, а на гуманистической, естественной сущности права, развертывающей во времени и в пространстве заложенные возможности свободы личности и социального порядка и по мере осознания и реализации ее силы и потенциала утверждающей в реальности бытие разума, т.е. культуру общежития и общечеловеческие ценности. Иерархия норм всего лишь юридический прием, способ реализации начал справедливости, но не сама по себе ценность права. Иными словами, должное, заложенное в правовой материи, есть то, чего реально хочет и к чему стремится большинство общества, т. е. безопасность и благополучие, обеспечиваемые только *с помощью принципов права как структурного, конститутивного компонента самого существа цивилизации.*

Иного пути к социальному порядку и непрерывному развитию в доступных человеку инструментах регулирования, кроме как через правопорядок, не усма-

тривается. Практика замещения принципов права, юридических конструкций, правовых средств защиты и разграничения интересов, юридического образования ценностно-целевыми установками при принятии управленческих, политических, экономических решений (что можно наблюдать сегодня особенно в пространстве международного общения) приводит к падению роли права, «крушению права», дисфункции, а значит, и рискам деградации, распада общества.

Н. Н. Тарасов замечает по этому поводу: «Основная проблема здесь – замещение в социально-политических процессах принципов права идеологическими вариациями ценностей (свобода, равенство, справедливость, демократия и т. д.) и интересов, которым придается статус нормативного основания действия. Тем самым реализуется деструктивная политика, построенная на отказе от правового опосредования ценностей, а значит – отказе от институциональных форм их защиты, что, по сути, возвращает нас в доцивилизационную эпоху господства “права сильного”» [23, с. 7].

«Право формируется при помощи закона, оно выражается и закрепляется в законе. Но само право – не закон, право – нормативный регулятор, выраженный в системе общеобязательных, формально определенных норм, критерий юридически правомерного поведения» [7, с. 86].

И чем выше уровень развития цивилизации, тем более сложна и действенна нормативная система такого общества. А. П. Семитко отмечает: «Культура права – это понятие, которое описывает развитое право – то, каково оно само по себе. Данное понятие требует внимательного изучения, особенно в связи с категорией правового государства...» [17, с. 26].

Правовая система любого общества есть его объективный управленческий механизм, постоянно адаптирующий свою систему норм на основе информации, получаемой посредством обратной связи об уровне беспорядка в обществе. Так должно быть, если избегать замены права целесообразностью. Западная концепция «Smart Regulation» и доктрина «Верховенства права» сегодня обращают пристальное внимание на безусловную необходимость учета обратной связи от объекта регулирования для достижения важной для всех цели – роста общественного благосостояния. К счастью, в наше современное правотворчество начали проникать данные плодотворные идеи и средства умного регулирования. Такие, например, как оценка регулирующего и фактического воздействия [11, с. 103–108], экспериментальные правовые режимы [26, с. 1014–1020], упрощение законодательства посредством кодификации и иных способов [14], регуляторная гильотина, акты стратегического планирования, регуляторное подталкивание, цифровизация и автоматизация обратных связей, транспарентность нормативно-правовой базы данных и иных баз данных, консультации с заинтересованными лицами и др.

Справедливости ради надо сказать, что зачатки этого подхода, основанного на учете обратной связи, были и в советской науке, но, к сожалению, в полной мере не получили развития. М. Л. Давыдова так поясняет этот момент: «Советская юридическая наука... была крайне увлечена проблемами правотворчества, в том числе его научным, социологическим, информационным и др. обеспечением. Но принципиальное отличие данного подхода от концепции регулирования, формировавшейся в западных странах, заключалось в том, что в отечественных исследованиях акцент был смещен на содержание вопросов, которые необходимо изучить законодателю, прежде чем принимать норму, а не на механизмы, делающие изучение этих вопросов обязательным. Анализ состояния регулируемых отношений, учет мнения научного и экспертного сообщества обосновывались в качестве рекомендации законодателю, абсолютно не ставящей под сомнение его исключительное право эти рекомендации проигнорировать» [10, с. 16].

И, тем не менее, до полного освоения и внедрения этих средств в нашей правовой системе еще, кажется, далеко. Поразительно то, как наша юридическая теория и практика, по сути основанная на идеях С. С. Алексеева и его последователей, односторонне использует категории и смысл механизма правового регулирования и воздействия, деформируя и искажая его в главном пункте. Ведь обеспечительным механизмом и главным звеном у нас, как в традиции преподавания, так и на практике, все еще оказывается не качество юридических конструкций, их системность, логичность и понятность, способные приводить к автоматизму соблюдения, исполнения и использования норм права, а правоприменение, не сила юридической культуры, а принуждение.

Иными словами, западная юридическая наука приходит к тем выводам, которые сделал в своей теории права С. С. Алексеев и его последователи и которые мы должны бы знать и применять в своей теории и практике.

Однако этот важнейший пункт теории, взывающий к единству нормы, правоотношения и акта реализации как отражения стремления к совпадению сущего и должного уже при конструировании нормативного массива, был фактически недооценен современной научной мыслью. Равно как и отказ от обязательной связи права с государственным принуждением как условием действительности правового регулирования и акцент на юридической культуре как обеспечительном механизме также в большей степени кажутся затухшими, чем актуализированными.

Но С. С. Алексеев в познании правовой материи продвинулся еще дальше. В. Н. Синюков так поясняет эту мысль в соотнесении ее с современными цифровыми реалиями: «Социальные связи и их бездокументарная форма делаются содержанием правового регулирования, а регулирование постепенно вытесняется правовым воздействием с иным понятийным аппаратом права». «Общие запреты и дозволения, идентифицированные С. С. Алексеевым как первичные элементы его догмы, скрывают более сложную правовую картину» [18, с. 17]. «Правовая форма – нормативность не только линейная, вербальная, лексическая. Она гораздо шире – знаковая, криптографическая, семиотическая» [Там же, с. 14]. «...Ход его мысли показывает: надо продолжить поиск новых элементарных частиц права, которые создадут комбинации новых регуляторов. Не исключено, что законодательство и судебная практика – уходящие формы права. На смену им идет другая правовая среда, другое правовое пространство с иным юрицизмом. Генезис новых регуляторов идет по линии реструктуризации запретов, дозволений и позитивных обязываний; через возникновение новых источников права в структуре технологической, включая цифровую, нормативности... С. С. Алексеев как теоретик был на пути к этому пониманию права». «Он верил в будущие комбинации этих частиц как неизбежное торжество идеи права. Такого Алексеева мы еще не поняли и не воспользовались его наследием» [Там же, с. 17–18].

В качестве предположения можно высказать следующее. Такими новыми регуляторами могут оказаться блокчейн, смарт-контракты, криптовалюты, токены, обходящиеся в своем действии без какого-либо посредника, в том числе государства, как организатора, учредителя или стража, основанные на саморегулировании, децентрализации и порождающие реальные юридические последствия в реальном мире. Эта сфера бурно развивается и фактически существует параллельно с традиционными государственно-правовыми институтами [12, с. 42–46; 13, с. 44–48].

Заключение

Правовые знания являются неотъемлемым свойством человека. Правовая культура индивидов, т. е. их уровень знаний о том, как надлежащим образом использовать представленные правовые средства для разрешения жизненных ситуаций

и достижения индивидуально значимых результатов, является инструментом воспроизводства социальной реальности, придающим юридический характер путям воздействия права на общественные отношения. То есть между конкретной жизненной ситуацией и правовыми средствами ее разрешения имеется коррелятивная связь, они должны по своей логике соответствовать друг другу, если субъекты хотят достичь своих целей и решить задачи. К примеру, есть всего 6 способов плавания. Другие недоступны человеку. Так же обстоит дело и в справедливом разрешении жизненных ситуаций, разграничении и согласовании интересов индивидов. Эти процессы не должны быть произвольны. Необходимо искать и находить оптимальные правовые средства в каждом конкретном случае, иначе цели и задачи не будут достигнуты либо будут достигнуты с непредвиденными последствиями и издержками. Это же касается и реализации самого правоприменительного процесса. Только такой «механистический» (гуманистический) подход способен привести к благосостоянию и процветанию современное общество. Обеспечительным средством такого регулирования государство является лишь отчасти, как «понимающий» организатор. Главенствующим же регулятором является «сила юридической культуры». Сегодня уже совершенно очевидно, что его идеи имеют исключительную важность для отечественного правоведения, поскольку формируют саму модель профессионального правосознания, методологию юридического мышления. С. С. Алексеев открыл нам самостоятельный характер права, его субстанциальные черты.

Список источников

1. Алексеев С. С. Линия права. – М. : Статут, 2006. – 461 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. – Т. 1. – М. : Юрид. лит., 1981. – 361 с.
3. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. – Т. 2. – М., 1982. – 359 с.
4. Алексеев С. С. Общая теория права : в 4 вып. – Вып. 4. – Свердловск, 1966. – 203 с.
5. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. – М. : Госюриздат, 1961. – 187 с.
6. Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. – М. : Статут, 1999. – 712 с.
7. Алексеев С. С. Теория права. – М. : БЕК, 1995. – 317 с.
8. Безукладова А. А. Воспитательная функция права и правовые средства ей сопутствующие // *Universum : Экономика и юриспруденция*. – 2017. – № 11 (44). – С. 16–21.
9. Васильева Н. В. Социальный (неюридический) аспект действия права // *Научный вестник Омской академии МВД России*. – 2014. – № 1 (52). – С. 45–48.
10. Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // *Журнал российского права*. – 2020. – № 11. – С. 14–29. – DOI 10.12737/jrl.2020.130.
11. Давыдова М. Л. Оценка регулирующего воздействия как разновидность правотворческих экспертиз и инструмент умного регулирования // *Юридическая техника*. – 2022. – № 16. – С. 103–108.
12. Зыков Д. В. Блокчейн и другие технологии в системе традиционных государственно-правовых институтов // *Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 42–46. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.7.
13. Зыков Д. В. «Умные» технологии регулирования с точки зрения материалистического понимания истории // *Вестник Евразийской академии административных наук*. – 2021. – № 4 (57). – С. 44–48.
14. Исаков В. Б. Некоторые проблемы новой российской кодификации // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2018. – № 4 (44). – С. 83–91. – DOI 10.17803/2311-5998.2018.44.4.083-091.
15. Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах : учеб.-метод. пособие. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2011. – 350 с.
16. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Правоведение : учебник. – М. : Проспект, 2018. – 640 с.

17. Семитко А. П. Культура права и общее благо // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2 (52). – С. 25–33.
18. Синюков В. Н. Теория права С. С. Алексеева и ее роль в развитии отечественной юридической доктрины // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 6–20. – DOI 10.12737/jrl.2020.013.
19. Страхов Н. Н. Мир как целое : черты из наук о природе. – М. : Айрис-пресс : Айрис-Дидактика, 2007. – 576 с.
20. Тарасов Н. Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 1 (234). – С. 31–50.
21. Тарасов Н. Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5 (134). – С. 90–115. – DOI 10.34076/2071-3797-2020-5-90-115.
22. Тарасов Н. Н. О некоторых методологических проблемах нашего права и правоведения // Академический юридический журнал. – 2020. – № 2 (80). – С. 4–12.
23. Тарасов Н. Н. О праве в современном обществе (размышления на тему) // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6 (123). – С. 39–46.
24. Тарасов Н. Н. Роль социально-психологических факторов в правовом регулировании : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Свердловск, 1979. – 176 с.
25. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб. : Брокгауз – Ефрон, 1890–1907. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/67131/Механизм (дата обращения: 23.05.2022).
26. Makarov V. O., Davydova M. L. On the concept of regulatory sandboxes // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 155. – P. 1014–1020. – DOI 10.1007/978-3-030-59126-7_112.

Информация об авторе

Дмитрий Валерьевич Зыков, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (Волгоград, Россия).

Information about the author

Dmitrii V. Zykov, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. at Constitutional and Municipal Law Chair, Volgograd State University (Volgograd, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 25.05.2022.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 10.06.2022.